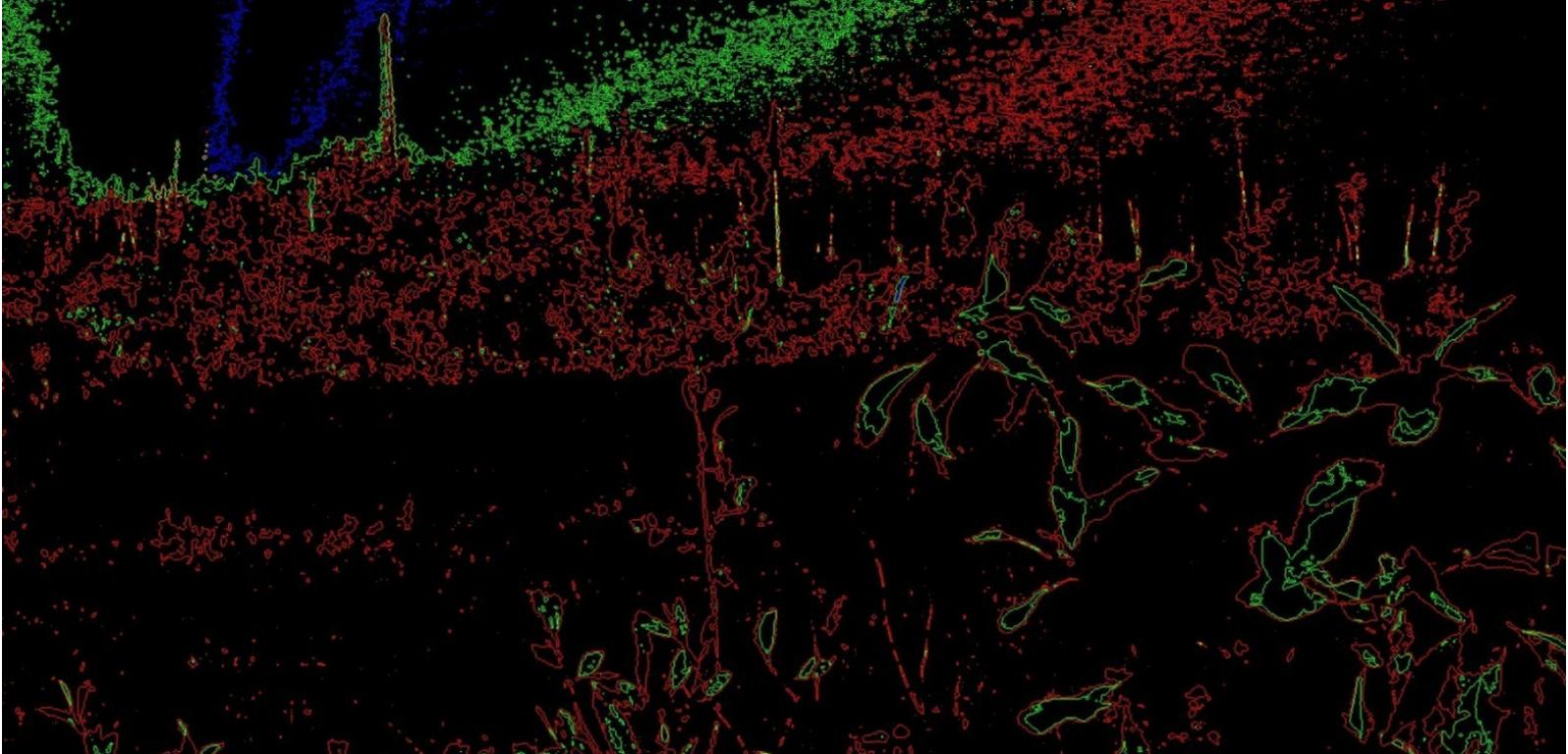

Ирина Курамшина

*ЧУЖОЙ ПТЕНЕЦ
или биологическая
адаптация*

Ирина Курамшина

**Чужой птенец, или
Биологическая адаптация**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Курамшина И.

Чужой пленец, или Биологическая адаптация / И. Курамшина —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Рассказанная история охватывает большой период жизни героев, она начинается в восьмидесятые годы и заканчивается уже в наше время. Взлеты и падения, встречи и разлуки, богатство и бедность — всего понемногу, а в целом складывается разноцветная мозаичная картина жизни самых обыкновенных людей.

Глава 1

Для того чтобы понять настоящее, зачастую приходится окунаться в далекое прошлое. Кому-то данное повествование может показаться скучным, слегка занудным, но, увы – «из песни слов не выкинешь». Любая колдобинка или ямка на пути человека имеет значение. Каждая жизненная царапинка оставляет след, а иногда и последствия. Поэтому имеет смысл кропотливо разобраться в людских судьбах, пройдя вместе с героями их тропами и дорогами.

Итак. В застойную эпоху господина Леонида Ильича Брежнева в одной из московских школ еще в первом классе образовалось стандартное по тем временам трио: два пацана – совершенно разные по темпераменту, уму и внешности, и девочка – вылитая Мальвина из сказки А.Толстого.

И так же, как в выдуманной истории о деревянном мальчике, у прекрасной кудрявой красавицы было два поклонника. Лева, практически копия Буратино – тощий, высокий не по годам, с длинным носом горбинкой, всегда с тяжелым ранцем, набитым книжками и кучей ненужного в школе хлама, влюбился в Нику с первого взгляда, стоило девочке лишь переступить порог класса. А Вовке в этом трио естественно отводилась роль грустного и безропотного Пьеро. В принципе, Вовка таким и был – нытиком и пессимистом. По стечению обстоятельств мальчики оказались за одной партой, а вновь прибывшую «принцессу» учительница посадила в первом ряду непосредственно перед ними. Оба затаили дыхание, когда обладательница пышной прически очень элегантно приземлилась в полуметровой близости. До конца урока ребята уже не могли думать ни о чем другом, как о новенькой, а на перемене, не сговариваясь, бросились знакомиться. Впрочем, им даже и не надо было торопиться – никто из одноклассников не спешил общаться с Никой. Дети на подсознательном уровне не чувствуют фальшь, но остро реагируют на чье-то превосходство. Девочки сразу же усмотрели в Веронике соперницу, а мальчишки – опасного лидера.

Действительно, Ника очень сильно выделялась на фоне своих сверстников. Этому способствовали не только яркая внешность, но и манера одеваться, и наряды, которые большинству девчонок могли лишь мечтаться. Мама с пеленок баловала единственное дитя, правдами и неправдами доставая через знакомых дорогие заграничные игрушки и одежду.

– Ты моя кукла! – к месту и без восклицала Надежда Васильевна, что в дальнейшем повлекло за собой желание дочери одеваться в соответствии с навешанным ярлыком. И если домашнее прозвище «куколка» было для девочки приятным и привычным, то школьное – «кукла», прилепившееся к ней в первом классе, вызывало бурю негодования. Впоследствии, когда она подружилась с мальчишками, именно на них обычно она изливала все свои эмоции. Дома Ника никому ничего не рассказывала, боясь огорчить родителей. Лева с Володькой из кожи вон лезли, чтобы заработать очки перед девочкой. Само собой разумеется, именно с их подачи Ника уже в семилетнем возрасте начала привыкать к мысли, что женскому полу противопоказано носить в руках что-либо, тяжелее игрушки. Пацаны таскали и ранец своей подружки, и сменную обувь, и лыжи с коньками на физкультуру, а также выполняли самые различные поручения.

Вы будете смеяться, но пажи Вероники получили прозвища в соответствии с ими же и выбранным сценарием. Левку за глаза называли Буратино, а Вовкино первое прозвище Пьеро поначалу не прижилось, но к концу первого учебного года одноклассницы частенько говорили: «Смотрите, вон идет Кукла со своими Буратино и Пьером».

Так началась эта сказка, так она продолжалась восемь лет. Троица была неразлучна. Главенствовала в ней, конечно же, Вероника, а рыцари беспрекословно выполняли любые приказы, пусть даже смешные, а порой нелепые или не имеющие никакого здравого смысла.

В конце мая, перед школьными экзаменами, Вероника сообщила друзьям, что летом уезжает на два месяца в Абхазию – их с мамой пригласили в гости, у знакомых был собственный домик на море. И эта первая длительная разлука стала показательной в отношениях троицы.

Не прошло и месяца, как Вероника заскучала. Ей не хватало присутствия ребят. Сначала она думала, что это происходит от того, что приходится самой носить и сумки, и лежаки на пляже, самой бегать к ларьку с мороженым, самой выстаивать очередь за билетом в кинотеатр. Ее с непривычки раздражали продавцы в магазинах, кондукторы в транспорте, но вскоре девушка освоилась и даже стала получать удовольствие от общения с незнакомыми людьми. Ведь раньше за нее все делали ее рыцари, она, например, и знать не знала, как купить билет в автобусе. А когда сделала это в первый раз, долго смеялась.

К концу летнего отдыха Ника поняла, что дело не только в отсутствии привычного окружения. Сердце начинало бешено биться при одном воспоминании о Леве. Он снился девушке каждую ночь, его силуэт всплывал, стоило только прикрыть глаза. Однажды ночью за неделю до отъезда из Абхазии Вероника проснулась и долго не могла сообразить, что с ней происходит: страх, нарастающее отчаяние и паника устроили в голове настоящий водоворот. И каким-то неземным чувством девушка ощутила боль своего любимого. «С ним что-то произошло... что-то плохое... даже очень плохое...» – Ника поехала, но не поленилась подняться с постели, чтобы записать в дневник дату и время произошедшего с ней непонятного явления.

Тревога не покидала Нику до возвращения домой. Первым делом в Москве она позвонила Леве. Того не оказалось дома, но от рассказа Аллы Львовны (Левкиной бабушки по отцу) о последних событиях в их семье девушка разрыдалась. И было от чего. В Прибалтике погибли родители ее любимого друга. Оба были врачами, в Таллинн поехали на какой-то международный симпозиум, а там странным образом утонули. «Как тонули, свидетели имеются, а вот тела их до сих пор ищут...» – рассказала бабушка.

– Девочка моя, не плачь, – пыталась успокоить Нику Алла Львовна. – Слезами горю не поможешь. Хотя... что я говорю? Мы сами уже неделю рыдаем. Как ночью раздался этот страшный звонок...

После последней фразы собеседницы Вероника вздрогнула:

– Как ночью? А когда именно? В котором часу?

Когда бабушка назвала дату, девушка невольно потянулась к дневнику. Даты совпали. И даже время. Минута в минуту.

«Если, конечно, бабушка Левы не ошибается. А она ведь никогда не ошибалась? И мое сердце... Оно тоже не могло ошибиться».

Нужно было срочно найти Левку. Срочно. Теперь Ника точно знала – сейчас она нужна другу как никогда.

– Аллочка Львовна, миленькая, держитесь. Вы мне только скажите, где Лева? Где мне его искать? Он ведь с Вовкой? – однако, бабушка не смогла ответить на вопросы. И Ника начала лихорадочно собираться на поиски друзей. А то, что они были вместе в такое непростое для Левки время – девушка не сомневалась. Только втроем они одно целое, только втроем они смогут преодолеть все.

Своих рыцарей Ника нашла на заброшенной стройке за школой, куда все мальчишки бегали на перемене курить. Девушка туда принципиально не ходила, морщила нос и на приглашения ребят обычно отвечала: «не царское это дело – по помойкам шастать».

Лева при приближении Ники на долю секунды вспыхнул яркой лампочкой и снова погас. Вид у него был не совсем здоровый: круги под глазами, натянутые скулы, обострившийся нос, а и без того сутулая спина напоминала горб.

– Можно я с вами посижу?.. – тихо не то спросила, не то сообщила девушка. – И помяну. Ладно? – Ника взяла початую бутылку вина с бетонной плиты и прямо из горлышка сделала несколько глотков. Неподдельное удивление друзей ее раззадорило:

– Ну и закурить дайте что ли? Мы ж одна команда?!

– Ника! Не смей курить! – первым опомнился Лева. – И пить тебе больше не надо. А посидеть? Так сиди. А мы без тебя помянем... Эх... даже похоронить их нельзя... Нам сообщили, что унесло течением.

Друг заплакал как ребенок, навзрыд, сотрясаясь всем телом. Володька, чтобы разрядить обстановку, начал рассказывать Нике о семье друга. Странно, но некоторые подробности девушка слышала впервые.

– Будет теперь с бабушкой жить. Да еще няня у них имеется. Между прочим, не каждый может похвастаться, что его воспитывала няня. Я всегда Левке завидовал. Мне б такую Арину Родионовну. Да... Маленькая, конечно, семья, но какая есть... А Алла Львовна мне вчера говорила, что Левкины дедушка с бабушкой по матери еще в войну потерялись, потому его мама и воспитывалась в детском доме.

– Да это у нас какая-то семейная тайна, – непривычным сильным голосом поведал немного успокоившийся Лева. – Я так до сих пор ничего толком не знаю. Вечно они шушукались. Наверно, это все из-за еврейского вопроса. После войны ведь как было? Пропал без вести, не пропал – если нет документов о смерти, то либо дезертир, либо предатель. А у мамы никаких документов как раз и не было. Вот и не верил ей никто никогда, что дед с бабкой просто пропали. Как сотни тысяч других таких же пропавших в лагерях и гетто.

Глава 2

С началом учебного года настало начало и новых отношений. Фанатичная дружба троицы дала трещину. На смену ей пришла взаимная любовь двоих и зависть влюбленного третьего. Впрочем, внешне все трое вели себя вполне прилично. Никто не высказывал недовольства другим. Ни один из них не сказал другому ничего лишнего. Для школьного сообщества троица оставалась «Мальвиной с Буратино и Пьером».

Вероника порой отказывалась от встреч. Было тяжело находиться рядом слевой и не иметь возможности сказать о своих чувствах. Присутствие Володьки всегда отрезвляло и останавливало. Полгода взглядов украдкой, вздохов и тягостного молчания... Первым не выдержал Володька:

– В общем, так... – несмело начал он, но потом собрался с духом и уже бодрым голосом сообщил ошеломленным друзьям:

– Я не буду вам мешать. Все вижу, все давно понял. Совет вам да любовь, как говорится. Будьте счастливы и все такое.

Сказал, словно выстрелил, и бросился бежать, чтобы Ника с Левкой не увидели его слез, которые сдержать не было сил. Он слышал, как Ника кричала что-то вслед, но что именно, не разобрал. Пробродив до поздней ночи по улицам, Володька пришел к дому и увидел у подъезда ребят. Он затаился и стал наблюдать. По всей видимости, они уже долгое время находились здесь. Ника ежилась от холода и периодически подпрыгивала, а Лева наматывал круги перед домом, бубня что-то себе под нос и размахивая руками. Девушка иногда вклинивалась в его бормотания, тогда Лева останавливался и начинал размахивать руками уже непосредственно перед Никой. Ветер донес до Володьки их разговор.

– А если этот придурок что-нибудь с собой сделает?... – громко, с трагическими нотками в голосе воскликнул Лева и почему-то посмотрел на небо.

– Не мели ерунду. – Ника встряхнула возлюбленного за плечи и прочеканила: – Он сильный! Он разумный. Он справится и ничего, слышишь? Ни-че-го с собой не сделает. Я это знаю!

– Откуда ты можешь... – начал, было Лева, но Ника его оборвала:

– Знаю и все! Точка! И пошли по домам, а то я скоро в сосульку превращусь. Весна в этом году какая-то колючая и злая. Утро вечера мудренее. Завтра с утра придем сюда и поговорим с Вовкой.

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через несколько дней встреча не состоялась. В школе Володька не появлялся, дверь в его квартире никто не открывал. Лишь через две недели Ника догадалась спросить у классной руководительницы о причине ее странного поведения – ведь учительница ни разу за эти дни не поинтересовалась у друзей об отсутствующем ученике.

– Вот гад! – разозлился Левка, когда подруга сообщила ему о разговоре с классной дамой. – Подготовился заранее, все предусмотрел, все спланировал. Еще друг называется. Думает, что уехав в другой город, осчастливил нас. Ты, кстати, знаешь, где его тетка живет? К которой он отчалил.

Ника только отрицательно покачала головой. На самом деле она знала ответ на вопрос, но решила повременить с его рассекречиванием и сначала дождаться возвращения Володькиной матери, чтобы поговорить с той.

Оставшись один на один, влюбленные окунулись в свое новое счастье с головой. На все разговоры о Володьке было наложено негласное молчаливое табу. Но каждый из них думал о друге, а кажущееся, напускное забытие тяготило обоих. Левка скрывал от подруги, что частенько открывает фотоальбом и с удовольствием пересматривает старые фотографии, что практически ежедневно вспоминает Вовку и жалеет о разлуке с ним. Ника не рассказывала возлюбленному о своих походах к Володькиной матери. А ходила она часто. Елена Евгеньевна сильно сдала после отъезда сына, часто болела. Ника, как могла, помогала по хозяйству, даже приобрела некоторый кулинарный опыт – Елена Евгеньевна, видя, что девочка совсем не умеет готовить, не приспособлена к жизни, учила ее и мягко наставляла. Как будто заранее предвидела... Но об этом позже.

Верно ведь говорят, что время лечит. Лучшего врача и не придумать. Последний школьный год Вероника и Лев провели разумно и плодотворно. Любовный пыл слегка угас, освободив большее пространство для размышлений о будущих целях. Оба уже не витали в облаках, как прежде, у обоих имелись ясные и четкие планы на жизнь. Лев усиленно готовился к поступлению в медицинский институт, тайно от Ники и бабушки подрабатывал, чтобы оплачивать подготовительные курсы. Да и жить на что-то нужно было. Пенсий Аллы Львовны и няни катастрофически не хватало.

Вероника еще с малолетства вбила себе в голову, что ее будущее кредо – театр. Или кино. Но это как сложится. Матушка поддерживала ее во всем и с выбором профессии дочери была согласна более чем. Поэтому девушку определили к частным педагогам. Один занимался с ней вокалом. Второй – танцами. Другой, как говорила мать Ники, «ставил правильную речь». Четвертый, пятый... Они менялись так часто, что девушка не успевала запоминать их имена. Однажды Надежда Васильевна даже привела в дом древнего старца, который должен был привить Веронике правильные манеры, обучить ее премудростям светского общения. Родительница не скупилась на деньги.

– Все ради тебя и для тебя, моя куколка, – твердила она ежедневно.

Лев снисходительно смотрел на все происходящее, не разделяя взглядов на будущее Ники ни с ней самой, ни с ее матерью. «Чем бы дитя ни тешилось...» – думал он и только посмеивался.

В 1978 году, окончив с золотой медалью школу, Лев с первой попытки поступил во 2-й медицинский институт столицы. А вот надежды Вероники на легкость поступления в театральный ВУЗ не увенчались успехом. Экзаменационная комиссия «срезала» ее на первом же туре, что привело к серьезным проблемам с психикой. Девушка, верившая в свою неотразимость, яркость внешности, индивидуальность, оказалась не подготовленной к такому повороту событий. По сути это ведь был первый настоящий отказ в ее жизни. Она замкнулась, днями не

выходила из дома, не отвечала на телефонные звонки Левы, не открывала ему входную дверь, не реагировала на просьбы родителей посетить врача. Так продолжалось бы довольно долго, если бы не одно событие.

Любимым ее занятием в тот период жизни было бесцельное проведение времени в квартире: она слонялась из угла в угол, как приведение, чаще даже не причесанная, в пижаме, или сидела в кресле перед телевизором, иногда с выключенным звуком. Но чаще всего девушка стояла у окна, напряженно всматриваясь вдаль. Что творилось в ее голове – ведомо только ей. Одно плохо – родители начали всерьез задумываться о госпитализации дочери в клинику неврозов. Лева был категорически против крайних мер. Он часами «висел» с матерью Ники на телефоне, терпеливо выслушивал ее причитания, и каждый раз уговаривал не делать поспешных выводов.

– Поймите, Надежда Васильевна, это как послеродовая депрессия у женщин, – убеждал Лев. – Она скоро закончится. Нужно только подождать. Всеу свое время...

– Ну да, ну да... – соглашалась в очередной раз женщина, косясь на застывшую у окна дочь.

Если дома у Ники кто-то был, кроме нее, и мог оторвать дверь, Лев попадал в квартиру и подолгу молчаливо сидел в углу. Девушка даже не обращала на него внимания. Это вошло в привычку – Лева приносил с собой конспекты, занимался и наблюдал за любимой. Родители Вероники тут же «исчезали» по своим срочным делам. Действительно, ведь удобно, когда «сиделка» не берет денег. Зато спокойно – за дочью надежный присмотр, как-никак – без пяти минут врач.

Глава 3

Депрессия Вероники затянулась почти до Нового года. Накануне праздников девушка, как обычно, стояла у окна, а Лева готовился к сессии, на сей раз – на кухне. Кроме них двоих в квартире никого не было.

На хлопок и порыв ветра вслед за ним Лев среагировал моментально. Он влетел в комнату Ники готовый к самому страшному, но девушка стояла у открытого окна живой и невредимой и улыбалась. Улыбалась впервые за полгода.

– Привет... – Ника, как в былые времена, игриво состроила глазки. – А там внизу Вовка, – невозмутимым тоном сообщила она любимому и раскинула руки в разные стороны. – Вот с таким букетищем!

И, правда, под окнами стоял Володя с букетом ядовито-алых роз. Лева от радости чуть не вывалился из окна:

– Вовка! Черт! Скорее поднимайся.

Несколько часов до прихода родителей Ники друзья провели вместе. Девушка больше молчала, загадочно улыбаясь. А ребята наперебой рассказывали друг другу о своей жизни – той, которую провели врозь.

Вероника постепенно начала возвращаться к прежнему образу жизни. Встречи втроем случались не часто, но и вдвоем Ника с Левой стали проводить времени все меньше и меньше. Володька сразу после Нового года подал в своем питерском ВУЗе, где учился, документы на перевод в Москву, и это ему удалось. В скором времени он уже был зачислен без потери курса в МАИ – Московский авиационный институт. Он, как и Лева, стал частым гостем у Ники, но предпочитал наносить свои визиты в разное время с другом. Вероника делала вид, что так и должно быть, ее мать только плечами пожимала, а отец Ники вообще старался никогда не вмешиваться в бабские, как он выражался, дела.

В конце каждого лета троица любила отмечать его окончание походом в парк. Детьми они там просто гуляли, в юности катались на лодке, а повзрослев, подолгу засиживались в кафе за столиком с видом на пруд.

После знойного мая, а за ним и первого летнего месяца август 1981 года был на удивление приятным. Троица сидела в любимом кафе. Вероника тараторила про недавнюю свадьбу принца Чарльза и Дианы (впрочем, она вспоминала об этом почти каждый день на протяжении месяца, как только Вовке удалось «достать» запись трансляции эпохального события):

– Какая же она красавица! Правда? Вы согласны? – то и дело восклицала Ника. – А лондонский кафедральный собор! О! Я так хочу в Англию! И такую же свадьбу...

– Ну, для этого тебе нужно было, во-первых, родиться в другой стране, во-вторых... – начал, было Володя, но его перебил друг:

– Ребята, а мне повестка пришла, – подавленным голосом сообщил Лева. – В армию забирают через месяц.

– Вот сволочи! – Володька аж позеленел от злости. – Какая армия? У тебя же бронь, студентов-медиков в армию не забирают, я точно знаю.

– Как видишь, у тебя не точные сведения. Забирают. Еще как забирают. В первую очередь евреев. Их на сегодня очень не хватает армии. Потому и...

– Блин! И прямо перед началом учебы. Четвертый курс... Эх...

– Блин блином, а Родине потребовались мои... ээээ, в общем – я потребовался Родине.

– Вечно ты все в шутку обращаешь, – сморщила носик Ника. – Лучше давайте подумаем, что можно предпринять, чтобы «отмазать» Левку от повинности.

– А не надо меня «отмазывать», – парировал друг. – Пойду и послужу Отечеству.

– Ну и дурак, – Ника резко поднялась и направилась к выходу из кафе. Видно было, как ее плечи мелко затряслись, но походка оставалась твердой и уверенной.

– Не провожать! – не оборачиваясь, приказала девушка, и пажи, пытавшиеся было догнать ее, тут же выполнили волю своей королевы.

Проводы Льва в армию проходили грустно-нелепо: тихо, мирно, с бутылкой лимонада и ломящимся от деликатесов столом. Бабушка Левы была категорически против спиртного, потому застолье и получилось таким невеселым. С продуктами расстарался Владимир, а вернее его мать, которая к тому времени сумела дорасти до директора магазина. Елена Евгеньевна с возвращением сына домой тоже вернулась... к себе самой. А будучи матерью-одиночкой, привыкшей к самостоятельности, смогла вернуть себе и былую славу отличного руководителя.

Володька налегал на еду, чтобы не заскучать, Лева сидел грустным и задумчивым в отсутствие возлюбленной. Няня сновала между кухней и праздничным столом, поднося все новые и новые блюда. А Алла Львовна постоянно отлучалась – тайком от внука она бегала к соседям, пытаясь дозвониться до Вероники. Ее отсутствие в такой ответственный момент жизни жениха очень тревожило пожилую женщину.

Ребята не знали, что в тот вечер Ника встречалась с человеком, который обещал помочь с поступлением в театральный ВУЗ. Он преподавал в Щукинском училище, и заверил Надежду Васильевну, что до следующего лета сделает все возможное и даже не возможное, чтобы у девочки отпали все препятствия для поступления. Встреча с Никой предполагала начало выстраивания отношений между преподавателем и ученицей. И уж никак не могли представить себе друзья Вероники, что их подруга сможет «похоронить» свою мечту. А именно это и произошло на так называемом прослушивании.

Внешность девушки настолько ошеломила будущего учителя, что он совершенно забыл для чего пришел, и вместо делового разговора предпринял отчаянные попытки в уходе за красоткой. А так как тактичность человеку была не свойственна, его поведение Ника расценила как оскорбление и сбежала из ресторана, а потом очень долго рыдала у себя в подъезде. В таком настроении пойти к Лева она не могла. Сердцем понимала, что пойти нужно, что Левка

Владимира после женитьбы было не узнать: он как-то разом повзрослел, почувствовав груз ответственности за своих близких, за мать, жену и будущего ребенка. А уж когда родился первенец, Сережа – ошалевший от счастья папа, превратился в главного добытчика, защитника и ангела-хранителя своей семьи. И Вероника, и Елена Евгеньевна, и даже родители Ники не верили своим глазам – до такой степени изменился до недавнего времени пассивный и безынициативный Володя.

В то время в России как раз зарождался малый бизнес. После длительного «застойного» периода в 80–е годы, как грибы после дождя, начали расти кооперативы. Первое время чаще всего – нелегальные, подпольные, как тогда говорили. Многочисленные партийные, комсомольские, производственно–хозяйственные объединения и научно-технические центры не рассматривались государством как отдельные самостоятельные субъекты производства, что было на руку «новым русским» предпринимателям. Именно деятельность подобных структур и явилась предпосылкой развития малого бизнеса. Не секрет, что большое количество известных представителей сегодняшнего бизнеса вышло как раз из тех, уже забытых многими, кооперативов.

Володька оказался везунчиком, попал на «гребень волны» кооперации еще будучи студентом, незадолго до получения диплома: с двумя однокурсниками он организовал автомастерскую. В отличие от кооператоров, которые занимались исключительно мелкооптовой или розничной торговлей, каким-то шестым чувством или врожденной житейской смекалкой Владимир сумел предугадать правильное направление своего бизнеса. То там, то тут торговые точки разорялись, горели палатки и павильоны «непослушных» предпринимателей, а автосервис Владимира только процветал и набирал с годами обороты. Буквально через пару лет ребята из нелегального гаража перебрались во вполне приличное помещение – бывшую автобазу, обросли клиентами, обзавелись «крышей», получили официальный юридический статус. И все это – благодаря умению одного из соучредителей договариваться с нужными людьми и трудолюбию двоих других. Владимир был как раз из последних – он сутками пропадал на работе, блестяще справлялся с организацией рабочего процесса и был незаменим в роли руководителя.

Глава 5

Когда Лева вернулся из армии, его друзья уже перебрались в другой район города – ближе к центру, на покупке кооперативной квартиры в более престижном месте настояла Вероника. Возможно, тем самым Ника хотела пресечь встречи с бывшим возлюбленным. Но вслух об этом не говорила, хотя супруг и без слов все понял. Он тоже был рад смене места жительства, и также трусил перед предстоящим разговором с другом. Все чаще Владимир стал приходить домой нетрезвым, все больше ссор с Вероникой происходило вечерами. Нике было не легче, она со страхом ждала возвращения Левы, и, чтобы не думать об этом, с головой ушла в материнство.

Но Лева не искал встреч. В первую очередь, это было связано с обидой на предательство близких людей. К тому же Алле Львовне нездоровилось. Она прописала в квартире няню, уже давно ставшую членом семьи, часто разговаривала с Левой до глубокой ночи, торопилась выговориться, рассказать все важное, что до поры держала в секрете. Исповеди бабушки внук выслушивал терпеливо и трепетно, советы откладывал в уголках памяти, наказы обещал выполнить. Лева ведь никогда раньше не интересовался своими предками, его не задевал большой для многих «еврейский вопрос», подобным, как сам говорил, мелочам – он не придавал значения. Главным для него всегда был и оставался процесс приобретения знаний другого характера. Лева до мозга костей был учеником. А рассказы Аллы Львовны таили в себе массу нового, непонятного, не сразу принимаемого. Пусть не с первой попытки, но бабушка сумела сломить внутреннее сопротивление Левы, он втянулся в еженощные беседы, стал читать много

литературы, которую заботливая старушка подобрала заранее. Чувствовала, что силы ее на исходе, потому и была настойчивой.

В декабре 1986 года перед новогодними праздниками Ника неожиданно столкнулась слевой нос к носу. В буквальном смысле этого слова. В универсаме перед Новым годом творилось что-то невообразимое, к каждому прилавку выстроились длиннющие очереди, давка, духота, крики и ругань по всему магазину. Период тотального дефицита даже на самые жизненно необходимые товары и продукты питания озлобил советский народ.

Знакомое до боли лицо Ника выхватила из толпы входящих, когда сама пыталась протолкаться к выходу. На долю секунды бывшие влюбленные соприкоснулись и тут же были разнесены противоположными людскими потоками. От внезапной близости обоим бросило в жар, у обоих запыхали лица. Обернувшись, Вероника увидела, что Лева пытается выбраться назад. Сердце заныло, как в прежние времена, и... приказало остаться.

Лева, взлохмаченный и растерянный, выскочил из дверей магазина, лихорадочно шаря по толпе взглядом. Наконец, увидев Нику, он бросился навстречу ей, но остановился в нерешительности.

«Ничего не изменилось. Ничего, – сказала себе Вероника, раскинув руки, приглашая Леву в свои объятия. – Будь что будет! И гори все синим пламенем!»

Вступив второй раз в прежнюю реку и Вероника, и Лев не испытали каких-либо разочарований, а тем более – угрызений совести. Наперекор пословице знакомые воды беспрепятственно приняли их и плавно понесли по течению. Встречались влюбленные у Левы. Встречались не часто: то у Левы возникали неожиданные замены дежурств (он после окончания института был распределен в один из лучших медицинских центров Москвы), то Вероника не могла найти причин, чтобы сбежать из дома на свидание.

– Эх... – всегда вздыхала няня, когда открывала Нике дверь. – Какая жалость, что Аллочка не дождалась... Вот бы порадовалась-то за вас...

А Ника каждый раз краснела – не говорить же старой женщине, что ей как раз и хорошо от того, что Алла Львовна не видит происходящего.

– Вероника, давай поговорим серьезно, – почти на каждом свидании просил Лева.

– Нет! – категорично возражала Вероника, но однажды вдруг сама начала разговор:

– Мне тебе нужно кое-что сказать. Только молчи и ничего не говори. Выслушай до конца. Я жду ребенка, и именно поэтому нам нужно прекратить встречаться.

Водоворот чувств, которые за несколько секунд наполнили все тело Левы, словно подменил его. Он заговорил быстро, не давая Нике вставить даже слово.

– Вот! Наконец-то! Это и должно было произойти. Я столько времени пытался рассказать тебе о своих... о наших планах, но ты никогда не слушала. Теперь все изменилось. Теперь нас будет трое. Нет! Четверо. Сережку же мы тут не оставим. Я уже все продумал, все подготовил... Понимаешь, это, конечно, страшно – покидать Родину, но ведь не мы первые, не мы последние. А потом и твоих родителей заберем. Вот только няня не хочет ехать. Но я все сделаю, чтобы у нее тут было все хорошо. Я дал ей слово. И у нас все будет хорошо. И еще я тебе должен кое-что рассказать. Но ты должна...

– Что?! Эмигрировать?! Нет! Нет! И еще раз нет! – истерично закричала Ника. – Не обольщайся. Я никуда с тобой не поеду. – А затем с изрядной долей цинизма добавила: – Кстати, с чего ты взял, что это твой ребенок?

Ведь знала, что заденет за живое, потому вложила в последнюю фразу как можно больше злости. Не отводила глаз, смотрела в упор, наблюдая за переменами в лице друга.

– Не мой?.. – Лева сник и погас, как когда-то давно, в юности.

Ника даже поежилась, тихо буркнув себе под нос: «дежавю... опять перегоревшая лампочка...», но вслух произнесла резко и решительно:

– Да. Не твой. Я же с Вовкой отношений не меняла. Что ты сморщился как от зубной боли? Да. Врала, и что с того? Ты ж не маленький, должен понимать, у меня семья, я не могла иначе... – Ника помолчала немного, а потом, словно вспомнив что-то важное, громко продолжила:

– И потом, у меня все благополучно. У мужа – хороший бизнес. У нас квартира в центре Москвы, машина, Сережка ходит в престижный детский сад. А если я все это брошу, что тогда? Знаем, знаем, наслышаны, как там, за границами нашей Родины люди «устраиваются».

Ника намеренно сделала ударение на последнем слове и удовлетворенно кивнула сама себе в ответ, увидев, как у Левы дернулись плечи и ходуном заходил кадык. Поняв, что переборщила, уже более ласково она добавила:

– Левушка, не обижайся. Но не могу я ехать, не ведомо куда, не зная точно, что меня ждет в дальнейшем...

– Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. Просто там, извини за каламбур, не все так просто, потому...

Но Ника категорично перебила его:

– Не надо ничего говорить. Мне и так все понятно. Я уже сказала, и точка! – никогда и никуда я не поеду. Лучше ты останься. Только-только устроился в такое место! Тебя ценят, тебя ожидает карьерный рост. Я уверена – лет через пять ты уже будешь заведующим отделением, а через десять – главврачом. С твоим-то талантом! А там что? Все с нуля? Дворником или разнорабочим? Без квартиры, без работы... Ужас! Ты сам-то мозгами своими гениальными пошевели. – Ника помедлила, а затем многозначительно и даже несколько театрально закончила свою речь:

– А вот если уедешь, это будет означать, что я тебе безразлична.

– Не логично, – только и смог вставить Лев.

– Да все логично. И ты прекрасно об этом знаешь.

После того разговора они все же продолжили встречи, но с каждым разом свидания становились все короче и безрадостнее, потому что всегда заканчивались одинаково – перепалками и истерикой Ники. Лев пытался доказать Веронике, что ребенок, которого она ждет, его и только его, что Володькиным он быть никак не может. Для этого Лева разыскивал статьи, читал отрывки из них, но любимая была непреклонна.

– Вот, смотри, что я вычитал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.